

-С

егодня, сынок, ляжем спать пораньше, — сказала мама, вытирая меня домотканым полотенцем.

Я надулся. Придет с поля поздно вечером, соберет поужинать и ни секунды не посидит. Дел хватает: ее ласки и соли-лизунца ждет наша Зорька, которую надо попоить и подоить.

Ее ждет игривый, бодливый теленок, который любит, когда в пойло опустишь пальцы в муке, и он с удовольствием, причмокивая, сосет их, будто вымя Зорьки.

Ее ожидает вислоухая, с заплывшими глазами всегда недовольная тетушка хавронья, которую медом не корми, но толченой картошки, посыпанной мукой, дай.

А там молоко процедить, собранные с огорода овощи посолить — на все нужно время.

Но ее жду и я. А обо мне мама вспоминает под самый закат солнца. По утрам она наливает в цинковый тазик, похожий на небольшое корыто, ведра три колодезной воды. За день вода нагревается до парного молока, и перед сном я принимаю душ. Мама ставит меня, пятилетнего, голенького в тазик и медленно льет воду из кружки на голову, приговаривая:

— С гуся вода, а с тебя, мое дитяtko, худоба.

Вода, щекоча, струится по волосам, носу, подбородку, застилает глаза. Я отдуваюсь, повизгивая. Из второго тазика мама выливает воду в ведро, уносит их вместе с тазиком в сарай и омовляется, как она говорит, одна.

Потом я сижу на коленях у мамы в чистом, пахнущем хозяйственным мылом и прожаренном солнцем белье, на крыльце нашего невзрачного под соломенной крышей дома, и мы провожаем уходящее на покой солнышко. Вот оно подарило нам последний розовый лучик и скрылось за горизонтом.

— Будет сумерничать, пора спать, ног под собой не чувствую, — подводит итог минувшему дню мама.

А сегодня, получается, и эта программа будет сокращена? Не хо-чу.

Я так и сказал маме:

— Не хо-чу. Я по тебе соскучился. Целый день ждешь, ждешь...

Мама, вздыхая, целует меня в щеку и говорит неопределенно:

— Надо, сынок, надо.

— Почему надо?

— Потому что завтра рано утром принесут гостинцы. Надо не проспать.

Уже в постели мама рассказывает, кто и почему принесет гостинцы. Я слушаю, затаившись. Только какой-то шальной комар вьется и вьется надо мной, норовя сесть на нос. На всякий случай я прикрываю нос концом простыни и слышу сквозь волной накатывающуюся дрему мамин голос:

— Живет в нашей местности богатырь-великан Тимоша. Тимофей, значит. По фамилии Силинский.

— А почему Тимоша — Тимофей?

— Потому что Тимофей сильный, но добрый. Вот и зовут его ласково Тимоша.

— А богатырь-великан это как?

Ростом он выше нашего потолка будет. Голова с полный месяц. Каждый кулак с ведро, а ноги вроде лыж. Захочет, возьмет на руки нас с тобою, нашу Зорьку, нашего теленочка и нашу хрюшку. Мама всегда именно в таком порядке перечисляла наше богатство, потому что другого не было.

— Ты что? Не донесет!

— Донесет, — уверенно говорит мама. — Иногда его дети донимают, он соберет с них шапки, поднимет угол амбара да под этот угол добычу и положит. Вот потеха-то! Пока прощения не попросят, шапки не отдаст. Бывало, рассерчает на батюшку, на отца своего, съезжающего на телеге со двора, возьмется за колесо телеги, и лошадь ни с места. Даже вагоны железнодорожные по рельсам толкал. Вот какой богатырь.

— А почему рано утром придет?

— Потому что дел у него много. Но узнал о тебе, хорошем мальчике, и решил навестить с подарком.

— С каким?

— Откуда ж, сынок, я могу знать? Он не проговорился. Сказал только, что подарок хороший.

Я засыпаю, довольный тем, что ко мне, хорошему мальчику, пожалует великан Тимоша и принесет хороший подарок...

С той поры и запомнился мне богатырь Тимофей Силинский. Повзрослев, посев, стал интересоваться, кто он, но никто, у кого спрашивал, о Силинском и слыхом не слыхивал. Решил, что это герой из сказок, про которого родители вспоминали каждый раз, когда капризничали малые дети:

— Вот придет великан...

Но однажды уже в ранге москвича довелось побывать в Острогжском историко-художественном музее. Не часто в периферийном городке встретишь картины великих живописцев. Да не одну-две, а полноценную экспозицию. Музей носит имя Крамского, родившегося в Острогжске, и создан в память о выдающемся земляке. Здесь хранятся подлинники самого Крамского, картины Айвазовского, Волкова, Корзухина, Куинджи, Лемоха, Маковского, Поленова, Репина, Шишкина, Ярошенко и других мастеров кисти.

Тимофей Бакулин со своим отцом

Несколько часов рассматривал экспозицию и порядком устал: полотна выжали все эмоции, и во мне барахталась какая-то облагораживающая опустошенность. Поэтому краеведческую часть экспозиции осматривал мельком и уже собирался уходить, когда обратил внимание на необычную фотографию, вырезанную из газеты. Бравый молодой человек в каракулевой папаше, в черной казачьей черкеске с газырями, в надраенных до блеска хромовых сапогах и при кинжале стоял рядом с каким-то невзрачным мужичком в каракулевой папаше. Редкая бороденка, ноги дугой, обутые в поношенные яловые сапоги. Коротенький однобортный пиджачок тоже явно не первой свежести. Мужичок этот рядом с добрым молодцем выглядел щупленьким подростком, даже в папаше едва-едва доходившим соседу до локтя. Добрый молодец смотрел на меня взглядом человека, с которым уже знаком, и, показалось мне, поэтому еле-еле сдерживал приветливую улыбку. На фотографии подпись: великан Т. Бакулин.

Вижу некое подобие буклетика, напечатанного еще с буквой ять (которую опускаю) с заголовком «На память от юноши-великана русского богатыря Тимофея Бакулина. *Воронежская губ. Коротоякский уезд.*»

Читаю: «Родился совершенно нормальным ребенком; до десяти лет был ростом как все дети его возраста. После десяти лет стал гигантски увеличиваться. В настоящее время ему 18 лет, достиг роста три аршина и пять вершков. Если верить, что люди растут до 22 лет, надо полагать, он поднимется еще выше. Согласно роста кушает больше, чем пропорционально. На указательном пальце носит кольцо, через которое свободно проходит пятикопеечная монета. Физически и умственно хорошо развит».

С помощью сотрудника музея выяснилось, что зовут богатыря Тимофей, что стоит он рядом с отцом, а кличка у него Ссылинский. Кличка означала, что место рождения Тимоши — село Ссылное, недалеко от Острогжска. Сюда в давние времена «на исправление» ссылали государевых людей. Потому и Ссылное, а теперь Терновое. Получалось, что родитель Тимоши из тех, кого надо было «исправлять». Когда Тимофею шел восемнадцатый год, перебралась семья в Острогжск. Местные жители стали величать их подворье Ссылинским. Кличка прилипла к Тимоше на всю жизнь. Выходило, что об этом богатыре, слегка переиначив кличку, и рассказывала мама.

Появился он на свет божий в 1894 году. Следовательно, хранящаяся в музее характеристика на восемнадцатилетнего великана была написана в 1924 году. К тому времени Тимофей достиг двух метров 34 сантиметра, а к зрелому возрасту — 240 сантиметров. Впечатляет! Мама не ошиблась, утверждая, что Тимоша выше потолка нашей хатенки будет. Колодка, по которой ему тачали обувь, похожа на небольшую лодочку. Сапоги известного в городе в те времена мастера Суханова ничуть не отличались от модных петербургских, за исключением размера — 54-й! Тоже впечатляет!

Тогда, в музее, вспомнил полотно Васнецова «Богатыри». Почему-то возник странный детский вопрос: кто из богатырей мне милее — Илья Муромец или Тимоша. Чаша

весов склонялась то в одну, то в другую сторону. Вон он какой, Илья Муромец! Коня вороного, уставившегося на тебя немигающим глазом, едва земля держит. Кольчуга, палица, копьё, шлем... Действительно, богатырь. Защитник. Воин. Только один изъян: не настоящий, не подлинный, былинный это герой. Его биография создана по законам жанра. До 30-33 лет «сиднем сидел на печи», потому что «не было в ногах хождения», до тех пор, пока не исцелили его «калики перехожие», после визита которых богатырь сразу поступил на ратную службу. «В одно жаркое лето родители пошли в поле крестьянствовать, траву косить, а Илюшеньку вынесли, посадили у двора на траву. Он и сидит. Подходят к нему три странника и говорят:

— Поддай милостыню.

А он говорит:

— Идите в дом и берите, что вам угодно. Я тридцать три года не ходил, отроду сиднем сидел.

Один и говорит:

— Встань и иди.

Он встал.

— Что вам угодно?

— Что не жаль.

Он зачерпнул чару зелена вина в полтора ведра.

— Выпей сам.

Он ни слова не сказал, одним духом выпил.

— Поди принеси еще.

Приносит он.

— Выпей сам.

Он одним духом все выпил.

Они у него спрашивают:

— Какую ты в себе силушку чувствуешь?

— Таковую, добрые люди, что если бы был столб одним концом в небо, другим концом в землю вбитый, и кольцо, я бы повернул.

Они переглянулись.

— Это ему много. Поди, принеси еще.

Еще принес. Он выпил одним духом.

— Теперь как?

— Чувствую, в половине осталось.

— Ну, вот с тебя хватит».

Но и при этом Муромец легко поднимал палицу, которая весила 90 пудов (около 1440 кг), взмахом руки валил на землю полчища врагов. Микула Селянинович, крестьянин-богатырь, одной рукой легко выдергивал из земли сошку, которую не могла сдвинуть с места вся дружина князя Вольги. Добрыня Никитич играл на гусях в Киве, и песня его была слышна в Царьграде. Богатырский конь Ильи скакал «выше дерева стоячего, чуть пониже облака ходячего». Наши герои в боях сталкиваются с несметными полчищами врагов, которые «серому волку в три дня не обскакать», «черному ворону в день не облететь», и побеждают. Они бьются-рубятся с врагами «не пиваючи, не едаючи», подбрасывают тяжелые палицы в поднебесье, «скоки» их богатырских коней «по пятнадцать верст».

Словом, все книжное, преувеличенное, гиперболизированное.

А земляк похож на счастливица, которому случайно достались и папаха, и газыри, и черкеска. Зато Тимофей — реальный человек, ходивший со мной по одной земле. А Илья Муромец на самом деле — красивая легенда.

— Да брось ты играть в прятки, — говаривал мне приятель, — миф, сказка... Вон стороннее мнение. Ученый люд утверждает, будто прообраз былинного персонажа —

силач по кличке Чоботок — родом из Муром. По этой теории Илья Муромец жил в XII веке, принял монашество в Киево-Печерской лавре под именем Илия. Здесь он и скончался около 1188 года. Пять столетий спустя православная церковь причислила Илию к лику святых. Стал он преподобный Илия Муромец. Мощи прообраза былинного персонажа покоятся в Ближних Пещерах Киево-Печерской лавры. Лет тридцать назад специальная комиссия провела экспертизу мощей. Установлено, что это был мужчина, умерший в возрасте 40–55 лет от ранения в сердце и перенесший в юности паралич конечностей. Ростом прообраз Муромца был не выше нынешнего среднего — 177 сантиметров. А великаном казался потому, что в те годы средний рост мужчины не превышал 160–165 сантиметров. А ты — миф...

Так у меня появилась другая зацепка. Какой же это богатырь, коль ростом Бакулину уступает? Если бы поставить Илью Муромца рядом с Тимошей, выглядел бы былинный персонаж так же, как отец острогожского Гулливера!

Палицу тяжелую до поднебесья он подбросить не мог. Но силой Тимофей Антонович с небольшим для своего роста весом — 190 килограммов — был наделен воистину сказочной. Выяснилось это довольно рано. Однажды во время Святочных игр он играючи забросил на крышу амбара трехпудовый бочонок со льдом. Был, по воспоминаниям, и такой сюжетец. Отец решил не брать сына в Острогожск на ярмарку, чтобы не нагружать мерина. Тимофей ухватился за задок телеги и потянул ее на себя вместе с лошастью. Лошадь сопротивляться не смогла. Пришлось родителю изменить решение. Договорились: Тимофей будет сидеть в телеге, когда дорога с горки, когда на горку — помогать лошади, а на ровном месте идти рядом. Мальчик честно выполнял уговор.

Когда Тимофей уже повзрослел, многие расспрашивали у него про этот случай: неужели правда, что он может удерживать телегу с лошастью на месте? Тимофей отвечал:

— Я тогда был несмышленным мальчишкой. Сегодня бы так с родным отцом не поступил.

В Острогожске парень тоже беззлобно «играл мускулами». Правду сказывала моя матушка: соберет, бывало, шапки пацанов-ротозеев да под угол амбара — чтобы не донимали!

И вообще его биография самая что ни на есть земная. Бакулин был беззлобен, добр до простодушия. Этим многие и пользовались. К чарке любил приложиться. В городском ресторане держали для Тимофея Антоновича специально сколоченный дубовый стол и такого же «покроя» дубовый стул на толстенных ногах — чтобы выдержал Гулливера. Сажал великан рядом с собой баяниста, и — пошла плясать губерния! В некоторых воспоминаниях утверждается, что мог Тимоша сладить за вечер с четвертиной (три литра) водки и расправиться одновременно с десятью литрами холодного пива. Возможно, так оно и было. Сейчас посмотришь на иного — с ноготок, а если мерять по количеству выпитого, то великанище!

В годы революции и НЭПа Бакулин выступал перед публикой, демонстрируя силушку. Сначала работал в уезде, потом поступил в гастролирующий цирк. Извозчики-острогожцы, завидев великана, тут же срывались с места, опасаясь, что экипаж не выдержит вес седока. Тогда друг Тимофея, оседлый цыган Иван Вербицкий по прозвищу Иван Серeda, сделал для него специальную бричку, и пара лошадей возила силача по уезду. Бывало и так, что приходилось подрабатывать на железной дороге в Лисках. Особенно поразил он горожан на красном субботнике, взявшись вручную перебросить на соседнюю железнодорожную ветку с десятка многопудовых колесных пар от товарных вагонов. Сказал — сделал!

В труппе цирка выступал он с удавами, обвешавшись ими как кольцами. Ударом молота разбивал многопудовые валуны. Боролся с трехаршинным медведем, который в Тимофеевых руках казался плюшевым. Публика приходила в экстаз, когда ве-

ликан появлялся на арене с акробаткой Полиной ростом в метр. Пишут, что она бегом прыгала по его плечам, устраивала турник на его вытянутых руках, размах которых был больше трех метров. А когда Тимофей, высоко подкидывая Полину, ловил ее и снова подкидывал — казалось, шквал аплодисментов разнесет цирк. Ему аплодировали Москва и Санкт-Петербург, Киев и Харьков, Одесса и Тифлис. Горцы подарили великану специально для него сшитый костюм черкеса с папахой, и в этом парадном одеянии совершил он турне по Европе, Азии, Северной Америке. В нем и снят он на фотографии, о которой уже упоминал.

А вот еще одна история. Когда решил жениться на горничной цирка Марии, завоздка вышла с обручальным кольцом: ни одно размером не подходило великану. Пришлось знакомому ювелиру собственноручно изготовить колечко в николаевский серебряный рубль. Теперь оно тоже в музее.

Летом 1937 года цирк гастролировал в Грузии. Ничто не предвещало беды, а она была уже у ворот. Сначала заболел медведь, с которым боролся Бакулин, потом один из служителей цирка, а затем и сам Тимоша. Его отвезли в Москву, в Боткинскую больницу — гепатит. Состояние Тимоши ухудшалось. Перескажу воспоминания его дочери, сельского фельдшера Ларисы, сделанные в 1982 году. Когда Тимофей заболел, ей было шестнадцать лет. Лариса приехала в больницу с матерью. Цитирую: «Застали мы отца живым, когда он лежал в изоляторе, одетый не по росту. Одеядо было сшито из двух, а у кровати сняты спинки. Отец обрадовался нам, он был в большой обиде на врачей, которые так долго не сообщали о болезни. Сказал маме: «Я скоро умру, и боялся, что не увижу вас. Меня не отдадут для похорон, врачи говорят, что я теперь “государственный человек”»».

Гости не поверили, но это оказалось правдой. Через неделю после их отъезда из Москвы Тимоши не стало. По воспоминаниям Ларисы, семье о кончине Тимофея Антоновича сообщили поздно. Его анатомировали. Скелет стоит в стеклянном шкафу в клинической инфекционной больнице в Москве уже десятки лет.

Жена Тимоши, Мария Платоновна, после смерти мужа добилась приема у Всесоюзного старосты Калинина, просила отдать тело. Тело, было сказано, будет служить науке. Вдове выплатили небольшие деньги, однако пенсию на двух еще несовершенно-

молчаливых детей так и не назвали, и она выросла их сама. Внуки и правнуки Бакулиных обычного роста. Только один из них, Володя, достиг двух метров.

Матушка моя, конечно, ни разу не заглядывала в музей. Но до семи лет она жила неподалеку от Острогожска, в сельце Лесное Уколово, а позже наезжала к родственникам в гости. Слухи о богатыре докатывались и в эти места, превратившись в сказание, передаваемое из уст в уста. Через родителей они дошли и до нашего поколения.

Так что Тимофей Антонович все время теснил в душе моей Илью Муромца вместе с Добрыней Никитичем и Алешей Поповичем. А они в свою очередь шли стеной на Тимофея Антоновича. Никак вместе не уживались, хотя, казалось бы, одного роду-племени, одних кровей.

Это противояствие сопровождало и школьные годы, и взрослую жизнь. Всю жизнь сопровождали воспоминания о той лунной ночи, когда, как обещала мама, ко мне в гости должен был прийти великан.

Тогда я проснулся рано. Кровать пуста. Матушки нет. Нет никого и в горнице. (Потом выяснилось: маму и ее товарок попросили поработать сверхурочно, чтобы, воспользовавшись погожими, ясными ночами, вовремя заскирдовать колхозное сено и солому). В окне любопытствовала луна, которой, наверное, не терпелось увидеть, что я буду делать в одиночестве. На полу две лунных дорожки с перекрестиями от оконных переплетов. Они посередине горницы. А по углам, под кроватью напрялась темнота. Где-то там притаилась всякая нечисть, выжидая удобной минуты, чтобы схватить меня. Зайдет месяц за дома, за лесополосу, и тогда...

Страх обуял меня. Я съездил со скрипучей кровати, протопал по лунной дорожке к окну и с великим трудом взобрался на низенький, узкий подоконник.

Лунная ночь была похожа на путника, который неожиданно попал в незнакомую местность и, притулившись к углу нашей хаты, раздумывал, куда бы ему направить стопы. Дома, деревья, сараи, стожки сена и соломы отбрасывают длинные причудливые тени. Полное безветрие. И — тишина.

Ясным днем то птаха защебечет, то петух властно заявит свое право на куриный гарем, то дворняжки начнут выяснять отношения. А той августовской ночью в тишине и покое мир как бы рождался заново, очищаясь от всего суетливого и наносного. Мир причащался, исповедовался, и я стал невольным свидетелем этого таинства преобразования под ясной луной.

Что было делать? Конечно, реветь. Узкий подоконник не давал развернуться — того и гляди очутишься на полу. Вцепившись в металлическую ручку створчатого окна, я рыдал. Я звал на помощь сначала, конечно, маму, а потом и великана Тимошу.

— Тимоша, Тимошенька, Тимошечка, — всхлипывал я, прижавшись к стеклам, — маму украли. Помогите мне, Тимошенька! Забери с собой хорошего мальчика! Ты же великан! Ты же обещал прийти!

Сколько плакал, не помню. Вдруг вижу большую приближающуюся сбоку к окну тень. Неужто и впрямь великан Тимоша услышал меня и спешит на помощь? Плач ограничился всхлипываниями, вздохами и ожиданием чуда.

Шаги все ближе, ближе, тень все больше, больше, больше. И вот она, огромная, наплыла на окно. И впрямь великан?! Наконец незнакомец подошел к окну, и я узнал в нем соседа, похожего на подростка узкоплечего пожилого человека, у которого было имя и отчество, но которого почему-то все звали по подворью — дед Мусат.

Дед Мусат ростом явно не вышел. Мелкое морщинистое лицо его украшали лихие гусарские усики и пронзительно-голубые, с хитрецей глаза. Усы и зубы были желты от самосада, ядовито-зеленая плантация которого распласталась у самого дома. В конце лета дед Мусат сначала заботливо обрывал крупные листья, сушил их на потолке. Потом оказывались на потолке и стебли самосада, чабрец и какие-то другие травы. Измельчив все запасы и смешав их, сосед получал, как он говорил, эликсир молодости.

Эллисир этот, несмотря на облагораживающие травы, был крепок и неприятен запахом. Дед Мусат так и говорил:

— Ты обходи грядки самосада стороной. Гиблая трава! От ее запаха даже мухи дохнут.

— А ты? Ты же не обходишь, дед Мусат?

— Я, брат, другое дело. Кто войну протопал от Бреста до Сталинграда, а потом от Сталинграда до Берлина, кто пороху понюхал, того самосадом не возьмешь. Может, благодаря этому самосаду и жизни целый кисет достался.

Семья у деда Мусата была большой, дружной. Подняли на ноги восемь детей! Все у соседей вышло как-то само собой. Раньше всех сажали огород, раньше всех справлялись с уборкой, заготовкой кормов. Все — раньше.

Меня соседи привечали. Огурцы у них тоже появлялись чуть ли не в мае. Наши едва-едва всходили, а на плантации рядом то здесь, то там уже виднелись маленькие, колюче-пупырчатые огурчики, оканчивающиеся засохшими желтыми цветками. Как не полакомиться? Я хозяйничал на чужом огороде беспечно. Соседи не противились, только просили не топтать плети. Противилась мама, грозя наказанием. Но разве наказание оградит от грядки со свежими хрустящими огурчиками, которых ждешь целый год?

Молодость деда Мусата была далеко позади, работал он сторожем на ферме. То ли зачем-то приходил домой в спецодежде на все времена — в тулупе. То ли услышал мой рев — не знаю. Главное, он оказался у окна, и, распахнув створки, взял меня, пощекотал прокуренными изжелта-седыми усами и водворил в полы тулупа.

— Не плачь, — сказал он, — теперь мы в безопасности. Кто посмеет тронуть двух великанов — тебя и меня? Никто.

Я устроился поудобней в тулупе этого совсем невеликого роста пожилого человека и, прижавшись к его груди, затих, не поинтересовавшись даже, где мама. Но блаженствовать пришлось недолго. Мой спаситель зашел к себе во двор, поднялся по шаткой лестнице на чердак сарая, набитого сеном.

— Девки, хватит дрыхнуть, — сказал он двум молодым дородным дочерям на выданье, — ай, не видите — жених прибыл. Прошу любить и жаловать.

Ох, и сладко же мне спалось в их соседстве!

Я до сих пор вспоминаю это маленькое происшествие. И чем старше становлюсь, чем чаще вспоминаю, тем чаще думаю о том, что ко мне действительно приходил великан.

Не тот, о ком рассказывала мама, чью фотографию я видел в музее.

Не те богатыри, которых запечатлел Васнецов.

Настоящий, земной богатырь — тщедушный дед Мусат.

